

IDEOLOGEME “REVOLUCIÓN” IN THE POLITICAL DISCOURSE OF SPANISH CARLISM

Andrei A. Tereshchuk, Nadezhda I. Grigorchenkova

*Herzen University,
nab. reki Moyki 48, St. Petersburg, 191186, Russia*

Abstract. The article examines the use of the ideologeme “revolution” in the Carlist political discourse. Spanish Carlism, which is one of the oldest political movements in modern Europe, appeared in 1833 and opposed liberal reforms in Spain. Throughout its history, the Carlists positioned themselves as consistent opponents of revolutionary ideology. The aim of the study is to conduct a systematic analysis of the texts of Spanish Carlism and to identify the specifics of the use of the lexeme “revolution” and similar lexical units. To achieve the stated goal, 229 programme documents of the Carlist movement were analysed. The time frame of the study is 1833–1936. The lower temporal boundary is the Carlist uprising against the government in Madrid, which led to the First Carlist War. The upper temporal boundary is the beginning of the Spanish Civil War (1936–1939). In the analysed texts, 108 uses of the lexeme “revolución”, 39 of the noun “revolucionario” and 16 of the adjective “revolucionario” were singled out. Using the methods of contextual and critical discourse analysis we traced the change in the emotional colouring of the ideologeme in question. Since the Carlists were opponents of revolutionary movements, for them this notion served to create an image of the enemy, but over time the emotional colouring of the ideologeme in question decreased. In the analysed texts there is an opposition between the ideologeme “rebellion”, which has positive connotations, and the ideologeme “revolution” with negative connotations. At the genetic stage of the history of Carlism (1833–1876), a mixture of elements of religious and political discourse is observed.

Keywords: ideologeme, revolution, political discourse, carlism, the Spanish language, political linguistics, Spain

For citation: Andrei A. Tereshchuk, Nadezhda I. Grigorchenkova (2024). Ideologeme “revolución” in the political discourse of Spanish Carlism. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 99–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-99-111>

ИДЕОЛОГЕМА «REVOLUCIÓN» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИСПАНСКОГО КАРЛИЗМА

А.А. Терещук, Н.И. Григорченкова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Аннотация. В настоящей статье рассматривается употребление идеологемы «революция» в карлистском политическом дискурсе. Испанский карлизм, являющийся одним из старейших политических движений в современной Европе, появился в 1833 году и выступил против либеральных преобразований в Испании. На протяжении всей своей истории карлисты позиционировали себя как последовательные противники революционной идеологии. Цель исследования – выявление специфики употребления лексемы «революция» и однокоренных лексических единиц на основе систематического анализа текстов, относящихся к политическому дискурсу испанского карлизма. Были проанализированы 229 программных документов (манифестов, приказов по армии, заявлений, воззваний, речей, циркулярных писем и указов) карлистского движения. Временные рамки исследования – 1833–1936 гг. Нижняя временная граница – это восстание карлистов против правительства в Мадриде, которое привело к Первой Карлистской войне (1833–1840 гг.). Верхняя временная граница – начало Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.). Данный временной промежуток разделён на два этапа: 1833–1876 гг. и 1876–1936 гг. Проводится сравнительный анализ тенденций использования идеологемы «революция» на первом и втором этапах. В проанализированных текстах отмечено 108 употреблений лексемы «revolución», 39 – имени существительного «revolucionario» и 16 – имени прилагательного «revolucionario». С использованием методов контекстуального и критического дискурс-анализа прослежено изменение эмоциональной окраски рассматриваемой идеологемы, обладающей негативными коннотациями. Карлисты, будучи противниками революционных движений, использовали данное понятие по отношению к своим оппонентам, однако со временем экспрессивность идеологемы снизилась. Выделена оппозиция между идеологемой «восстание», обладающей положительными коннотациями, и идеологемой «революция» с негативным коннотативным значением. На генетическом этапе истории карлизма (1833–1876 гг.) зафиксировано смешение элементов религиозного и политического дискурса. Исследованы случаи включения библейского интертекста в программные документы карлистского движения на первом этапе.

Ключевые слова: идеологема, революция, политический дискурс, карлизм, испанский язык, политическая лингвистика, Испания

Для цитирования: Терещук А.А., Григорченкова Н.И. (2024). Идеологема “revolución” в политическом дискурсе испанского карлизма. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 99–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-99-111>

Введение

Показывая сложность и разнообразие естественных языков, М.М. Бахтин писал: «Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно–идеологических и социальных кругозоров» [3, с. 101]. Следствием данной сложности является существование в политическом дискурсе идеологом, то есть законченных суждений, субъективно характеризующих денотат [11, с. 298]; одна и та же идеологема может иметь разные коннотации в языке различных политических групп. Ярким примером является идеологема «революция».

Одним из центральных событий в истории России XX века стала революция 1917 года. Осмысление сложного революционного процесса привлекает внимание специалистов самого разного профиля (историков, филологов, политологов и др.). При этом данный процесс не был уникальным для нашей страны. Как отмечает А.В. Торкунов, к моменту свершения российской революции «в Европе уже около четырёх веков развивался процесс масштабной исторической модернизации – трансформации традиционного аграрно-ремесленного общества, характерного для Средневековья, в индустриальное общество Нового времени. Важнейшими вехами, обозначившими этапы этого движения, были “классические” революции» [22, с. 8]. Естественно, у революционных изменений были как сторонники, так и оппоненты и в России, и в странах Западной Европы.

Последовательными противниками революционных процессов в обществе стали испанские карлисты. Их движение, сформировавшееся в 1833 году и получившее название по имени претендента на испанский престол Карлоса Марии Исидро де Бурбона (дона Карлоса-старшего) (1788–1855), опиралось на идеи испанских роялистов («realistas») начала XIX века. Карлисты выступали против введения конституции, создания системы политических партий, формирования парламента современного типа (вместо традиционных кортесов, сословно-представительного собрания, появившегося ещё в Средневековье), секуляризации общества. После смерти в 1833 году короля Фердинанда VII его младший брат дон Карлос заявил о своих правах на престол, в то время как более либеральная часть испанского общества поддержала кандидатуру дочери покойного монарха принцессы Изабеллы (1830–1904). Используя династический спор в качестве повода для начала восстания, карлисты развязали крупный внутрисударственный конфликт, вошедший в историю как Первая Карлистская война (1833–1840) (об истории конфликта и появлении карлизма см. [19], [27], [36]). Несмотря на поражение в войне, карлистское движение продолжило существование, и в XIX в. – первой половине XX вв. карлисты играли важную роль на испанской политической сцене. Хотя идеология движения постоянно модифицировалась, его сторонники всегда представляли наиболее консервативную часть испанского социума. В 1846–1849 гг. и в 1872–1876 гг. карлисты пытались прийти к власти вооружённым путём, но оба раза терпели поражение. Во время Гражданской войны 1936–1939 гг. они выступили на стороне генерала Ф. Франко (1892–1975), однако в период франкистской диктатуры их движение пришло в упадок и лишилось реального влияния на испанскую политику. Карлизм сохраняется и в XXI веке, представляя собой одно из старейших политических объединений в Европе (из общих работ по истории карлизма можно отметить [29], [37]). Современные карлисты не оказывают серьёзного влияния на жизнь испанского государства, но являются непарламентской оппозицией и подвергаются критике ряд аспектов внешней и внутренней политики Испании. Так, например, они выступают за нормализацию отношений с Россией, которая воспринимается ими в качестве хранилища традиционных ценностей христианской Европы¹.

¹ Jacobo de la Cruz M. El discurso de Putin // La Esperanza. Periódico católico-monárquico. 05.10.2022, <https://periodicolaesperanza.com/archivos/14517> (дата обращения: 23.12.2023).

В последние годы российскими и зарубежными учёными был опубликован ряд работ, посвященных идеологии карлистского движения [1], [7], [8], [9], [10], [35], [39], [43]. Данные исследования обращаются к этой проблеме с позиций исторической науки или политологии. Гораздо меньше внимания уделяется изучению языка испанского карлизма. Исследователь из Автономного университета Барселоны Л.Ф. Толедано в одной из своих последних статей с сожалением отмечает, что до сих пор не было проведено систематического анализа текстов, относящихся к карлистскому политическому дискурсу [43, р. 181]. Специалисты, интересующиеся данной темой, главным образом обращаются к изучению газет и журналов, выпускавшихся сторонниками движения [24], [25], [26], [30], [40]; при этом в перечисленных работах анализ языковых особенностей карлистской прессы остаётся на втором плане, в то время как основное внимание уделяется её истории.

Естественно, политический дискурс, понимаемый как «a prominent way of “doing politics”» включает в себя самые разные жанры; кроме того, большая часть политических действий (принятие решений, выработка законов и т.д.) по своей природе дискурсивны [4, р. 18]. Карлистский политический дискурс реализовывался не только через средства массовой информации, но и через многочисленные официальные документы движения. Лингвистический анализ данных текстов будет иметь значение не только для изучения истории и идеологии карлизма, но и для выявления языковых особенностей дискурсивных практик испанских политиков в XIX–XX вв. При этом изучение этих текстов в частности и карлистского дискурса в целом невозможно без обращения к результатам исследований по истории, философии и политологии; как пишет Т. А. ван Дейк, «анализ дискурса не следует ограничивать структурами текстов или диалогов. Когда дискурсы получают определение как единицы вербального общения или как коммуникативные явления, к их реальной обработке или использованию в социальных или коммуникативных аспектах следует обращаться с позиций целостного, интегрированного подхода» [6, с. 133].

Методология

Лексема «революция» (англ. *revolution*, исп. *revolución*) долгое время использовалась как астрономический термин, однако с XVII в. (возможно, как пишет Л. Вильоро, после «Славной революции» в Англии в 1688 году [46, р. 277]) она начала приобретать политические коннотации и употребляться для обозначения «кризиса, чреватого полным или частичным изменением политического строя или властного контроля» [13, с. 154]. Со второй половины XVIII в. данная лексическая единица окончательно закрепились в политическом языке [21, с. 132]. С момента появления карлистского движения в октябре 1833 года его сторонники позиционировали себя как противники революции². Так, например, в опубликованной в 1835 году книге барона де лос Вальес, обосновавшего «необходимость» восстания карлистов против правительства в Мадриде, уже на второй странице рассказывалось об «интригах» либералов, пытавшихся организовать революцию в Испании [41, р. 2] (о роли барона в развитии карлистской пропаганды см. [18]). Негативное отношение карлистов к революционным идеям сохранялось до 1970-х гг., до появления так называемого «левого» карлизма, ответвления в рамках движения, представлявшего собой проект «самоуправляющегося социализма» [16, с. 94].

В нашем исследовании мы исходим из гипотезы о том, что идеологема «революция» играла ключевую роль в формировании образа врага в карлистском политическом дискурсе. Как известно, «...создание господствующих монолитных нарративов, зачастую предполагающих обособление “своих” от “чужих”, представляет собой эффективный политический инструмент» [23, с. 298]; само по себе использование оппозиции «свой» – «чужой» является одной из ярких особенностей политического дискурса [17, с. 2501]. Лексема *revolución* может рассматриваться как одно

² Показательно, что процитированная выше монография Ж. Канала из Высшей школы социальных наук в Париже носит название «Карлизм. Два века контрреволюции в Испании» («El carlismo. Dos siglos de contrarrevolución en España») [29].

из «ключевых слов» («palabras clave»), употребление которых является характерной чертой языка политиков [42, p. 117] (о соотношении понятий «язык/дискурс политиков» и «политический дискурс см.: [44, p. 12–18]).

Временные рамки настоящего исследования: октябрь 1833 г. – июль 1936 г. Нижняя временная граница соотносится с началом Первой Карлистской войны [19, с. 158]. Как было отмечено выше, движение сторонников дона Карлоса стало продолжением испанского роялизма начала XIX в.; кроме того, сам термин карлист («carlista») фиксируется в испанском политическом языке еще в 1824 г. [19, с. 149]. Однако только начиная с 1833 года можно говорить о выделении карлизма как нового субъекта в испанской политике. Верхняя временная граница – это восстание испанской армии против правительства «Народного фронта» и начало Гражданской войны 1936–1939 гг. Выбор верхней временной границы обусловлен тем фактом, что в 1936 году карлисты выступили на стороне франкистов; в следующем году Ф. Франко издал «Декрет об Объединении» («Decreto de Unificación»), в соответствии с которым все правые политические партии, включая карлистов, объединялись в «Испанскую фалангу традиционалистов и комитетов национал-синдикалистского наступления» («Falange Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista») [28, p. 222–228]. Соответственно, было бы некорректно говорить о существовании в период франкизма отдельного карлистского дискурса, во всяком случае, на институциональном уровне. Данный временной промежуток (1833–1936) мы разделяем на два этапа. *Первый этап* (1833–1876) соответствует так называемому «генетическому» периоду развития карлизма [7, с. 93]. К этому времени относятся три полномасштабные гражданские войны, проигранные карлистами (1833–1840, 1846–1849, 1872–1876). *Второй этап* (1876–1936) относится к периодам Реставрации и Второй Республики в Испании; в это время карлисты пытались прийти к власти преимущественно мирным путём, через выборы.

В качестве материала для исследования были использованы программные документы движения за изучаемый период: манифесты («manifestos»), приказы по армии («órdenes del día»), заявления («proclamas»), воззвания («alocuciones»), речи («discursos»), циркулярные письма («circulares») и указы («bandos»), которые были ориентированы на широкую аудиторию и публиковались в карлистских печатных органах. Авторы исследуемых текстов – политики и представители командного состава карлистской армии. Данные материалы были опубликованы в приложениях к фундаментальному 30-томному труду «История испанского традиционализма» («Historia del tradicionalismo español»), созданному историком и участником карлистского движения М. Феррером при участии двух соавторов [34] (о фигуре М. Феррера см. [31, с. 116–118]). Общее количество проанализированных документов составило 229 единиц. Используя методы контекстуального и критического дискурс-анализа в рамках исторического подхода к изучению политического дискурса [15, с. 12], мы анализируем употребление в данных текстах лексемы *revolución* («революция»), а также однокоренных лексических единиц. Выбор для исследования нескольких лексических единиц обусловлен тем, что мы подходим к изучению идеологем не в рамках лексикологического подхода (как к отдельным словам, имеющим определённые идеологические коннотации), а с позиций феноменологии (т.е. как к ментально-стилистическим феноменам) [14, с. 56].

Результаты

В проанализированных текстах мы зафиксировали 108 употреблений лексемы *revolución*, в том числе 97 раз в единственном числе и 11 раз во множественном. Кроме того, 39 раз употребляется существительное *revolucionario* («революционер») и 16 раз прилагательное *revolucionario* («революционный»). Самый ранний документ, в котором зафиксирована лексема *revolución* – это заявление Депутации Бискайи от 5 октября 1833 года, опубликованное через 3 дня после начала Первой Карлистской войны. Авторы документа призывают население присоединиться к восстанию за права дона Карлоса на престол и заявляют, что оно было спровоцировано «нападениями Революции и анархии, с которыми мы сражались в 1823 году» («ataques de la Revolución y de la

anarquía que combatimos en 1823») [34, III, p. 291]³. Документ содержит отсылку к истории Либерального трёхлетия (1820–1823) и борьбе между либералами и роялистами, завершившейся тогда победой вторых, то есть авторы текста напоминают об историческом прецеденте, который связан с положительными для них воспоминаниями. Последний зафиксированный пример относится к Манифесту Национального блока (ноябрь 1934 г.), в котором лексема *revolución* использовалась для сопоставления республиканского режима в Испании 1930–х гг. и революционных событий во Франции в XVIII в.: «Creemos caducado el sistema político que, nacido con la Revolución francesa, sirve de soporte a las actuales instituciones, y como Cánovas predijera, nos arrastra al comunismo» («Мы считаем устаревшей политическую систему, родившуюся вместе с Французской революцией и служащей базой для современных институций, и которая, как предсказывал Кановас [крупный консервативный политик в Испании последней четверти XIX в. – прим.], тянет нас в сторону коммунизма» [34, XXX, p. 48]. Таким образом, лексема *revolución* употреблялась на протяжении всего изучаемого периода.

В то же время семантика данной лексической единицы за 101 год, прошедший между двумя зафиксированными выше случаями употребления, претерпела определённые изменения. Еще А. Мартине писал о том, что слова на одном языке не имеют совершенно точных эквивалентов в другом [38, p. 19]; лексема *revolución* в испанском политическом дискурсе XIX в. имела коннотации, отсутствующие как в русском, так и в испанском языках XX в.⁴ Так, в первой половине XIX в. она часто использовалась в испанском языке для обозначения любого восстания, беспорядков или даже просто антиправительственного заговора [45]. Соответственно, во время Первой Карлистской войны либералы также иногда употребляли эту лексическую единицу по отношению к своим противникам [19, с. 302].

На первом этапе *revolución* три раза именуется *impía* («безбожной»); например, в воззвании дона Карлоса от 1837 г.: «Habéis vencido a la revolución impía en este suelo clásico de lealtad; éste era el campo señalado para decidir los destinos de una nación singular» («Вы победили безбожную революцию на этой старинной верной земле; это было поле, на котором должна была решиться судьба нашей уникальной нации») [34, XIII, p. 306]. В данном тексте она также обладает *bárbara fiereza agarena* («варварской жестокостью агарян»), то есть имеет место использование религиозной, библейской лексики в политическом документе [там же]. Другой характерный эпитет – *usurpadora* («узурпаторская»), например, в манифесте дона Карлоса–старшего: «Maroto ha hollado el respeto debido a mi soberanía y a los más sagrados deberes para sacrificar alevosamente a los que oponen un dique insuperable a la revolución usurpadora» («Марото [генерал, возглавивший умеренное крыло карлистского движения и заключивший сепаратный мир с либералами в 1839 г. – прим.] растоптал уважение к моей власти и к самому священному чувству долга, чтобы вероломно принести в жертву тех, кто стоит несокрушимым препятствием на пути узурпаторской революции») [34, XVI, p. 190]). Этот эпитет служил напоминанием о том, что приход к власти в Испании в качестве регента королевы Марии–Кристины, с именем которой связан ряд либеральных реформ, был незаконным, по мнению карлистов [19, с. 34–49]. С «современной» точки зрения, революция не столько пытается узурпировать трон, сколько уничтожить сам институт монархии, однако для карлистов XIX в. представлялось естественным, что революция может посадить нужного ей человека на престол: «... la revolución que en 1833 sentó en el Trono de España a una niña inocente» («... революция, которая в 1833 году посадила на Трон Испании невинную девочку [Изабеллу II, которой на тот момент ещё не исполнилось 3 лет – прим.]») [34, XXIII, p. 147]. Во главе революции может находиться «мятежный принц», то есть король Альфонсо XII: «... la Revolución (sic!) que capitanea un príncipe rebelde» («... Революция, которую возглавляет мятежный принц») [34, XXVII, p. 303]. Отметим, что «мятежный принц» не являлся сторонником левых идей или своего рода испан-

³ Здесь и далее при цитировании «Истории испанского традиционализма» указываются номер тома и страница.

⁴ Русский путешественник и публицист В.П. Боткин удачно высказался относительно революции в Испании, написав, что она «так же мало походит на революцию, как вооружение рыцаря на наш фрак» [5, с. 11]

ским «Филиппом Эгалите»⁵; последняя цитата, взятая из обращения к добровольцам дона Карлоса-младшего (Карлоса VII) (1848–1909) в 1875 году, определяет словом *Revolución* всех противников карлистов, в том числе и весьма консервативный политический проект Альфонсо XII.

В текстах на *первом этапе* можно встретить противопоставление между лексемами *revolución* и *insurrección* («восстание»). В 1839 году приближенный дона Карлоса X. Эчеваррия в обращении к жителям Наварры писал о том, что карлисты подняли *gloriosa insurrección* («славное восстание»), направленное против *revolución*, которую поддерживают *sicarios* («наёмные убийцы»): «... vuestra gloriosa insurrección, vuestra constancia y sacrificios, tenía por objeto el triunfo de la religión, de la monarquía pura de nuestro legítimo Soberano D. Carlos V y de vuestros fueros; más la revolución que hace ya tiempo conoce la importancia de sus armas, ha visto la necesidad que tenía de introducir sus agentes y sicarios en las filas de la lealtad... Sus maquinaciones, sus intrigas, sus planes secretos, han tenido siempre por objeto reducirlos a la inacción» («... ваше славное восстание, ваша преданность делу и ваши жертвы имели своей целью триумф религии, чистой монархии во главе с нашим законным Государем Доном Карлосом V и ваших фуэрос [*привилегий отдельных регионов на севере Испании – прим.*]; но революция, которая уже давно знает о силе своего оружия, увидела необходимость внедрить своих агентов и наёмных убийц в ряды верных... Её махинации, интриги, секретные планы всегда пытались принудить вас к бездействию») [34, XVI, p. 238]. В данном тексте можно отметить синтаксическое противопоставление ряда концептов (в том числе и *gloriosa insurrección*), обладающих положительными коннотационными значениями, концептам с негативными коннотациями (включая *revolución*).

Идея о «справедливом» восстании против «незаконной» власти встречается и в карлистской мемуаристике: например, Х.А. Саратьеги в своих воспоминаниях, посвящённых первому главнокомандующему карлистской армией Т. де Сумалакарреги, также пишет о «славном восстании», употребляя тот же самый эпитет, что и Х. Эчеваррия [47, p. 48]. Таким образом, в карлистском политическом дискурсе есть лексические единицы, позволяющие разграничить «справедливое» и «несправедливое» восстание⁶. Концепт «справедливого» восстания не является оригинальным для карлистов и может быть связан с ещё средневековой политической философией Католической церкви и идеями Фомы Аквинского [33, p. 147].

Если обратиться к употреблению прилагательного *revolucionario* («революционный»), то в 1833–1876 гг. можно отметить его употребление с существительными, относящимися к нескольким различным лексико-семантическим полям. К полю «власть» можно отнести лексемы *gobierno* («правительство»); *ejército*, *huestes*, *tropas* («армия, войска»); *hordas* («орды», в данном случае употребляется по отношению к армии противника), *despotismo* («деспотизм»), *facción* («заговор, мятеж; отряд мятежников»), *poder* («власть»), *yugo* («иго»). Например, граф де Негри в обращении к жителям Кастилии в 1838 году заявлял: «Entre vosotros tenéis ya un cuerpo de ejército que me glorio de mandar, decidido de sacaros del ominoso y durísimo yugo revolucionario» («К вам уже пришла армия, которой я имею часть командовать, и я решительно настроен освободить вас от позорного и тягостного революционного ига») [34, XIV, p. 209]. Употребление данных лексических единиц, имеющих нейтральные либо пейоративные коннотации, с прилагательным *revolucionario* возможно и в языке современной политики (например, *gobierno revolucionario* – «революционное правительство»).

Однако в текстах *первого этапа* в сочетании с *revolucionario* фиксируются также лексемы, относящиеся к лексико-семантическому полю «религия» (или «мифология»): *espíritu* («дух»), *germen* («семья»), *hidra* («гидра»), *discordia* («раздор»)⁷. Так, «*espíritu revolucionario*» («революционный дух») противопоставляется «*Espíritu Santo*» («Святому Духу»). В тексте манифеста дона Карлоса-

⁵ Т.е. герцогом Орлеанским, примкнувшим во время событий Французской революции к противникам монархии и избранным в Конвент.

⁶ Ср.: в политическом дискурсе властей Российской империи 1830-х гг. все лексические единицы, обозначающие восстание, в большинстве контекстов приобретали негативные коннотации [20, с. 739–740].

⁷ Ср.: «Человек коварный сеет раздор» (Притч. 16:28).

младшего в 1869 году этот «революционный дух» имеет субъектность и выступает как олицетворение своего рода «злой силы», посягающей на традиционные привилегии отдельных районов на севере Испании: «El espíritu revolucionario pretende igualar las provincias Vascongadas a las restantes de España» («Революционный дух стремится уравнять баскские провинции с остальными провинциями Испании») [34, XXIII, p. 53]. Лексема *germen*, естественно, может встречаться не только в религиозных текстах. В проанализированных текстах она встречается в обращении генерала Р. Марото (1839 г.), который использует аллюзию на евангельскую притчу о сеятеле. В отличие от библейского текста, «семя» оказывается «злом» (потому что является «революционным»): «Cuando se haya disipado el primer germen revolucionario que se ha esparcido entre vosotros...» («Когда будут уничтожены посеянные меж вами революционные семена...») [34, XVI, p. 187] (перевод на русский язык данного документа см. [19, с. 397–399]).

Важно подчеркнуть, что для современного политического дискурса в западных странах характерно разделение политических и религиозных элементов [32, p. 165]. В карлистских текстах, относящихся к *первому этапу*, эти элементы часто смешиваются. Можно предположить, что это было обусловлено тем фактом, что начиная с 1833 года карлисты позиционировали себя как «защитники Церкви»; в 1835 году они объявили Деву Марию «Верховным главнокомандующим» («*Generalísima*») своей армии [36, p. 158]. При этом было бы ошибкой воспринимать противников карлизма как «безбожников» или «атеистов». Исследователь из Университета Сарагосы П. Рухула, анализируя карлистский газетный дискурс, пишет, что слишком часто в научных работах по карлизму происходит «путаница между принципами, которые отстаивало это контрреволюционное движение, и методами (*técnicas*), которые оно использовало для триумфа своих идей» [40, p. 28], то есть приёмы пропаганды смешиваются с идеологическими установками карлизма. Представляется, что включение в политический дискурс религиозных элементов имело целью воздействие на реципиента.

Другое лексико-семантическое поле, встречающееся в изучаемых текстах – это «стихия»: *torrente* («поток»), *huracán* («ураган»), *tempestad* («буря»). Например, карлистский претендент на престол дон Хуан III (1822–1887) в своём манифесте 1860 года вспоминал о «весне народов» в Европе: «Yo he visto en 1848 huir a impulsos del huracán revolucionario a Monarcas apegados a las antiguas ideas» («Я видел, как в 1848 г. Монархи, приверженные старым идеям, бежали от ударов революционного урагана») [34, XXII, p. 208]. Впрочем, как показывают последние исследования, метафоры природы часто используются в испанских текстах политической направленности, то есть политические общественные организации или процессы «наделяются природными чертами» [2, с. 12].

На *втором этапе* изменяется характер определений, относящихся к лексеме *revolución*. Она более не именуется *impía* («безбожной»), вместо этого используется стилистически нейтральная лексема *materialista* («материалистическая»), которая в данном контексте выступает в качестве синонима к *impía*: в 1934 году лидер карлистов Альфонсо Карлос (1849–1936) заявил об «última batalla entre la revolución materialista y la contrarrevolución católica» («последней битве между материалистической революцией и католической контрреволюцией») [34, XXX, p. 40]. Другое изменение – ссылки на историю Французской революции⁸, которая, естественно, воспринимается карлистами в негативном ключе. Первое её упоминание фиксируется ещё на первом этапе, в 1864 году, в тексте принцессы де Бейра, представлявшей наиболее радикальное крыло карлистского движения и осуждавшей попытку претендента на престол Хуана III реформировать карлизм в духе либерального консерватизма [10]. Автор данного документа пишет о «malhadados principios de la Revolución francesa, que causó... los mayores desastres que vieron los siglos» («несчастных принципах Французской революции, которая... принесла самые страшные бедствия в истории») [34, XXII, p. 237]. Два других упоминания Французской революции относятся к 1889 и к 1934 гг., и события

8 В современной российской историографии наблюдается тенденция к отходу от использования термина «Великая французская революция»; ср.: одна из последних крупных монографий, посвящённая её истории, называется «Французская революция», в то время как ранее использовавшийся термин с эпитетом «Великая» авторы именуют не иначе как «причудливым словосочетанием» [4, с. 4].

во Франции рассматриваются как причина «тяжёлой» ситуации, в которой оказалась Испания в конце XIX – начале XX вв. Лексема *revolución* по-прежнему сохраняет негативные коннотации, но лидеры карлистского движения начинают говорить о ней в более спокойном ключе.

Снижение эмоциональности и сокращение использования религиозной лексики отмечается также и в случае с прилагательным *revolucionario*. Один раз, в манифесте 1888 года, встречается словосочетание *espíritu revolucionario* («революционный дух»), которое в данном случае выступает в качестве синонима к *ideología revolucionaria* («революционная идеология»). В отличие от приведённого выше примера, в данном случае *espíritu revolucionario* входит в состав распространённого определения, характеризующего противников карлистов: «*imbuídos en el espíritu revolucionario*» («пропитанные революционным духом») [34, XXVIII, p. 60]. Единственной лексической единицей с сильной негативной эмоциональной окраской, по отношению к которой употребляется слово *revolucionario*, является лексема *tiranía* («тирания») [34, XXVIII, p. 78]. Остальные существительные, характеризующиеся лидерами карлистского движения как «революционные», имеют нейтральную стилистическую окраску и могут употребляться и в дискурсе сторонников революции, например: *elemento* («элемент»), *España* («Испания»), *ola* («волна»), *hecho* («факт, деяние») и т.д. Так, в обращении Альфонсо Карлоса к испанцам словосочетание *España revolucionaria* («революционная Испания») имеет пейоративные коннотации: «...*protestas de la España tradicional frente a la España revolucionaria, para evitar que jamás prescriba el derecho nacional legítimo ante el hecho revolucionario ilegítimo consumado*» («... протест традиционной Испании против Испании революционной, протест против отмены национального легитимного права совершившимися нелегитимными революционными событиями») [34, XXX, p. 39].

Было бы некорректно говорить о полном отказе от экспрессивности⁹ в анализируемых текстах в последней четверти XIX века и об исключении элементов религиозного дискурса из текстов *второго этапа*. Например, в обращении к французским легитимистам в 1887 году дон Карлос-младший называет революцию *azote de la Iglesia* («бичом Церкви») [34, XXVIII, p. 46]. Ранее, на *первом этапе*, лексема *azote* («бич») употреблялась его дедом, доном Карлосом-старшим, применительно к революции в 1836 году: при этом революция уподоблялась наказанию, которое любящий отец применяет по отношению к провинившимся детям. Автор манифеста 1836 года использовал сложную систему образов: революция была послана «Небом» («Cielo») не только для наказания испанцев за их грехи, но и в назидание, потому что Господь «обнажил перед всем миром её со всеми её ужасами» («*la presenta a la faz del mundo desnuda con todos sus horrores*») [34, XII, p. 265]. Текст 1887 года использует ту же самую лексему, но в документе отсутствует религиозно-мистический контекст; слово *azote* употреблено как обычное клише: «*Imitando a mi tío, el señor Conde de Chambord, cuya muerte fue terrible desgracia para Europa y especialmente para Francia, no transijamos nunca con la revolución, azote de la Iglesia y ruina de los Estados*» («Следуя примеру моего дяди, графа де Шамбор [*претендента на французский престол – прим.*], чья смерть стала ужасным несчастьем для Европы и особенно для Франции, мы никогда не пойдём на компромисс с революцией, бичом Церкви и разрушителем Государств») [34, XXVIII, p. 46].

Заключение

Проведённый анализ показал, что идеологема «революция» занимала важное место в политическом дискурсе испанских карлистов и служила для создания образа врага. В 229 проанализированных документах за 1833–1936 гг. лексемы *revolución* и *revolucionario* употребляются 163 раза. Отмечаются существенные различия между её употреблением на *первом* и *втором этапах*. На *первом этапе* лексема *revolución* и однокоренные слова часто сопровождаются эмоционально окрашенной лексикой с пейоративными коннотациями. Кроме того, отмечается включение религиозных элементов в политический дискурс.

⁹ Понимаемой как «семантическая категория эмоционального воздействия, важнейшей частью которой является высокая степень интенсивности» [12, с. 100].

Второй этап ознаменовался переходом карлистов от вооружённой борьбы к попыткам прийти к власти политическим путём. Данное изменение стратегии движения нашло отражение в языке: хотя идеологема «революция» сохраняется в политическом дискурсе карлистов, экспрессивность программных документов движения резко снижается. Кроме того, в проанализированных текстах, относящихся к периоду 1876–1936 гг., снижается количество религиозных элементов. Таким образом, отказ от попыток захватить власть путём восстания повлёл за собой серьёзные изменения в языке карлизма, в частности – в характере употребления идеологемы «революция». Дальнейшие исследования текстов, созданных в рамках карлистского политического дискурса, помогут подтвердить или опровергнуть данное наблюдение.

© Терещук А.А., Григорченкова Н.И., 2024

Список литературы

1. Айусо Торрес М. Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. 2019, 3 (19): С. 59–83. DOI: 10.24411/2686–7206–2019–00003.
2. Алимова Р.Р. Активные метафорические модели в современном испанском медийном дискурсе / Р.Р. Алимова, В.В. Яковлева // Филологические науки в МГИМО. 2021. № 7(5). С. 8–15. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410–2423–2021–5–29–8–15>.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Бовыкин Д.Ю. Французская революция / Д. Ю. Бовыкин, А. В. Чудинов. М.: Альпина нон–фикшн: ПостНаука, 2020. 468 с.
5. Боткин В.П. Письма об Испании / В. П. Боткин. Л.: Наука, 1976. 344 с.
6. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
7. Василенко Ю.В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016, № 16 (1). С. 92–111.
8. Василенко Ю.В. Карлизм в Испании XIX в.: война и проблемы политико–идеологической эволюции. Проблематика войны в гуманитарных науках. Сборник трудов второй всероссийской конференции «Проблематика войны в гуманитарных науках: история и перспективы исследования». СПб.: Алетейя, 2019. С. 33–44.
9. Василенко Ю.В. Образ «врага» в политическом дискурсе зарождающегося испанского консерватизма // Антиномии. 2020. № 20(4). С. 82–100. DOI: 10.24411/2686–7206–2020–10405.
10. Василенко Ю.В. Карлизм между либерализмом и праворадикальным консерватизмом: казус Хуана III (1861–1868) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 2. С. 191–209. DOI: 10.17323/2587–8719–2021–2–191–209.
11. Вепрева И.Т. Слово «революция»: социокультурные настроения и семантические преобразования // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. № 49. Вып. 13. С. 297–302.
12. Зайнудинов А. А. Лексикографическое описание эмоционально–оценочной лексики в русском и испанском языках / А.А. Зайнудинов, Э.Ф. Керо Хервилья // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 96–110. DOI: 10.31857/S0373658X0004304–3.
13. Клемешев А.П. Трудности перевода. Существо проблемы / А.П. Клемешев, М.В. Ильин // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 148–166. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.11>.
14. Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
15. Новикова Е.Ю. Социоантропологический подход к исследованию политического дискурса // Семиотико–семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 7–26.
16. Протасенко С.В. Испанский карлизм: идеология и практика // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. Вып. 2. С. 94–99.
17. Радюшкина А.А. Средства актуализации оппозиции «свой – чужие» в инаугурационной речи Бориса Джонсона / А.А. Радюшкина, Ю.А. Фролова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 8. С. 2501–2506. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210368>.
18. Терещук А.А. Сравнительный анализ двух версий труда барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 5. С. 662–668. DOI: 10.21603/2078–8975–2022–24–5–662–668.
19. Терещук А.А. За Бога, Родину и Короля: военно–политическая история раннего карлизма / А. А. Терещук. М.: Издательство «Спасское дело», 2023. 416 с.
20. Терещук А. А. Языковые особенности освещения Первой Карлистской войны в Испании российской прессой // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. № 4. С. 737–745. DOI: 10.35634/2412–9534–2023–33–4–737–745.
21. Тимофеев Д.В. Концепт «революция» в материалах российской периодической печати и оценках современников первой четверти XIX века: опыт сравнительно–контекстуального анализа // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 12 (227). Вып. 45. С. 131–140.

22. Торкунов А.В. Изучая Великую русскую Революцию // Вестник МГИМО–Университета. 2017. № 3(54). С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-7-15>.
23. Фролова Ю.Н. Мозаика баскского сепаратизма // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2023. № 2 (148). С. 285–298.
24. Agudín Menéndez J. L. Por una historia de la Prensa carlista: Balance historiográfico y perspectivas de futuro // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2022. № 109. P. 245–281.
25. Agudín Menéndez J. L. El Siglo Futuro en la (re)construcción de la amalgama contrarrevolucionaria (1930–1933): de órgano de la disidencia nocedalista a catalizador de la modernización defensiva carlista // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2023. № 26. P. 124–147. DOI: [10.14198/pasado.21548](https://doi.org/10.14198/pasado.21548).
26. Agudín Menéndez J. L. «El Siglo Futuro». Un diario carlista en tiempos republicanos (1931–1936). Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2023. 546 p.
27. Albi de la Cuesta J. El ejército carlista del norte (1833–1839) / J. Albi de la Cuesta. Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p.
28. Alli Aranguren J. C. Los inicios del franquismo en dos obras inéditas del conde de Rodezno // Huarte de San Juan. Geografía e historia. 2023. № 30. P. 217–249. DOI: <https://doi.org/10.48035/rhsj-gh.30.11>.
29. Canal J. El carlismo. Dos siglos de contrarrevolución en España / J. Canal. Madrid: Alianza Editorial, 2000. 512 p.
30. Canal J. De Barcelona a Buenos Aires (1889–1898): Francisco de Paula Oller, la propaganda carlista y la fundación de El Legitimista Español // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2023. № 26. P. 76–100. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.23676>.
31. Caspistegui F. J. En las trincheras de la prensa carlista: periodismo y militancia en el siglo XX // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2020. № 26. P. 101–123. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.22956>.
32. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. London; New York: Routledge, 2004. 226 p.
33. Correa N. R. Análisis histórico, jurídico y político del derecho de resistencia // Revista de la Facultad de Derecho y Ciencias Políticas. 1981. № 52. P. 146–153.
34. Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. Historia del Tradicionalismo Español. 30 tomos / M. Ferrer, D. Tejera, J. F. Acedo. Sevilla: Editorial católica española, 1941–1979.
35. Hibbs–Lissorgues S. «Sueños nocturnos» y retropías en el tradicionalismo español // Pasado y Memoria. 2021. № 23. P. 139–159. DOI: <https://doi.org/10.14198/PASADO2021.23.06>.
36. Lawrence M. Spain's First Carlist War, 1833–40 / M. Lawrence. Basingstoke: Palgrave, 2014. 283 p. DOI: [10.1057/9781137401755_3](https://doi.org/10.1057/9781137401755_3).
37. Lawrence M. The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s / M. Lawrence. London: Bloomsbury, 2017. 264 p.
38. Martinet A. Éléments de linguistique générale / A. Martinet. Paris: Armand Colin, 1980. 224 p.
39. Martín Etxebarria G. «Honrar a nuestros héroes muertos». Conmemoraciones públicas, monumentos y memoria de las guerras carlistas // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2023. № 26. P. 221–255. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.21888>.
40. Rújula P. ¿Opinión pública en el carlismo? La prensa de don Carlos durante la Primera Guerra // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2023. № 26. P. 7–31. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.23988>.
41. Saint-Sylvain L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc., etc. / L. X. A. Saint-Sylvain. Paris: Chez Dentu, 1835. 390 p.
42. Smirnova I. V. Concepts People and Power in Russian and Spanish Electoral Discourse // Philology at MGIMO. 2021. № 7(3). P. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-115-120>.
43. Toledano L. F. El tradicionalisme polític antiliberal: els carlins catalans // The Catalan Historical Review. 2021. № 14. P. 179–195.
44. Van Dijk T. A. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol. 11. Issue 1. P. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.
45. Vanegas I. Revolución: la palabra, el acontecimiento, el hito fundador (Nueva Granada, 1780–1839) // Bulletin de l'Institut français d'études andines. 2010. № 39 (1). P. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.4000/bifea.2104>.
46. Villoro L. Sobre el concepto de revolución // Revista del Centro de Estudios Constitucionales. 1992. № 11. P. 277–290.
47. Zaratiegui J. A. Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. don Carlos V por el general del mismo ejército, J. A. Zaratiegui / J.A. Zaratiegui. Paris: Imprenta de Lacour y Comp., 1845. 611 p.

References

1. Aïuso, Torres M. Carlizm i ispanskaia politicheskaiia traditsiia: vchera i segodnia [Carlism and the Spanish political tradition: yesterday and today] // *Antinomii*. 2019, 3 (19): P. 59–83. DOI: [10.24411/2686-7206-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00003).
2. Alimova, R.R., Iakovleva, V.V. Aktivnye metaforicheskie modeli v sovremennom ispanskom mediinom diskurse [Active metaphorical models in contemporary Spanish media discourse] // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2021. № 7(5). P. 8–15. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-8-15>.
3. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury I estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of different years]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1975. 504 p.
4. Bovykin, D.Iu., Chudinov, A.V. *Frantsuzskaia revoliutsiia* [French Revolution]. M.: Al'pina non-fikshn: PostNauka, 2020. 468 p. (Serii «Biblioteka Postnauki»)
5. Botkin, V.P. *Pis'ma ob Ispanii* [Letters about Spain]. L.: Nauka, 1976. 344 p.
6. Van Deik, T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 p.

7. Vasilenko, Iu.V. Genesis karlizma i problemy tipologii ispanskogo konservatizma [The genesis of Carlism and the problems of the typology of Spanish conservatism] // *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*. 2016, № 16 (1). P. 92–111.
8. Vasilenko, Iu. V. Karlizm v Ispanii XIX v.: voina i problemy politiko-ideologicheskoi evoliutsii [Carlism in Spain in the 19th century: war and problems of political and ideological evolution]. // *Sbornik trudov vtoroi vserossiiskoi konferentsii «Problematika voiny v gumanitarnykh naukakh: istoriia i perspektivy issledovaniia»*. SPb.: Aleteiia, 2019. P. 33–44.
9. Vasilenko, Iu.V. Obraz «vruga» v politicheskom diskurse zarozhdaushchegosia ispanskogo konservatizma [The image of the «enemy» in the political discourse of the emerging Spanish conservatism]. // *Antinomii*. 2020, 20(4). S. 82–100. DOI: 10.24411/2686–7206–2020–10405.
10. Vasilenko, Iu.V. Karlizm mezhdub liberalizmom i pravoradikal'nym konservatizmom: kazus Huana III (1861–1868) [Carlism between liberalism and right-wing conservatism: the case of Juan III (1861–1868)]. // *Filosofia. Zhurnal Vysheii shkoly ekonomiki*. 2021. T. 5. № 2. S. 191–209. DOI: 10.17323/2587–8719–2021–2–191–209.
11. Vepreva, I.T. Slovo «revoliutsiia»: sotsiokul'turnye nastroiia i semanticheskie preobrazovaniia [The word «revolution»: socio-cultural sentiments and semantic transformations]. // *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*. 2007. № 49. Vyp. 13. S. 297–302.
12. Zaiful'dinov, A.A., Kero, Hervil'ia E. F. Leksikograficheskoe opisaniie emotsional'no-otsenochnoi leksiki v russkom i ispanskom iazykakh [Lexicographic description of emotional-evaluative lexicon in Russian and Spanish]. // *Voprosy iazykoznaniiia*. 2019. № 2. S. 96–110. DOI: 10.31857/S0373658X0004304–3.
13. Klemeshev, A.P., Il'in, M.V. Trudnosti perevoda. Sushchestvo problemy [The difficulties of translation. The essence problem]. // *Polis. Politicheskoe issledovaniia*. 2019. № 5. S. 148–166. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.11>.
14. Klushina, N.I. Teoriia ideologem [Ideologem theory]. // *Politicheskaiia lingvistika*. 2014. № 4 (50). S. 54–58.
15. Novikova, E.Iu. Sotsioantropologicheskii podkhod k issledovaniiu politicheskogo diskursa [A socioanthropological approach to political discourse research]. // *Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa: Kollektivnaia monografiia. M.: Gosudarstvennyi institut russkogo iazyka im. A. S. Pushkina*, 2021. S. 7–26.
16. Protasenko, S.V. Ispanski karlizm: ideologiia i praktika [Spanish Carlism: ideology and practice]. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 6. Filosofiiia. Kul'turologiia. Politologiia. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2008. Vyp. 2. S. 94–99.
17. Radiushkina, A.A., Frolova, Iu.O. Sredstva aktualizatsii oppozitsii «svoi – chuzhie» v inauguratsionnoi rechi Borisa Dzhonsona [Means of actualisation of the opposition «others» in Boris Johnson's inaugural speech]. // *Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021. Tom 14. Vypusk 8. S. 2501–2506. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210368>.
18. Tereshchuk, A.A. Sravnitel'nyi analiz dvukh versii truda barona de los Valles, «A Chapter in the History of Carlos V» [A comparative analysis of two versions of the work of Baron de los Valles, «A Chapter in the History of Carlos V»]. // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. T. 24. № 5. S. 662–668. DOI: 10.21603/2078–8975–2022–24–5–662–668.
19. Tereshchuk, A.A. *Za Boga, Rodinu i Korolia: voenno-politicheskaiia istoriia rannego karlizma* [For God, Country and King: a military and political history of early Carlism]. M.: Izdatel'stvo «Spasskoe delo», 2023. 416 s.
20. Tereshchuk, A.A. Iazykovye osobennosti osveshcheniia Pervoi Karlistskoi voiny v Ispanii rossiiskoi pressoi [Linguistic peculiarities of the coverage of the First Carlist War in Spain by the Russian press]. // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia Istoriia i filologiia*. 2023. T. 33. № 4. S. 737–745. DOI: 10.35634/2412–9534–2023–33–4–737–745.
21. Timofeev, D.V. Kontsept 'revoliutsiia' v materialakh rossiiskoi periodicheskoi pechati i otsenkakh sovremennikov pervoi chetverti XIX veka: opyt sravnitel'no-kontekstual'nogo analiza [The concept of 'revolution' in the materials of Russian periodicals and assessments of contemporaries of the first quarter of the 19th century: the experience of comparative-contextual analysis]. // *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*. 2011. № 12 (227). Vyp. 45. S. 131–140.
22. Torkunov, A.V. Izuchaia Velikuiu russkuiu Revoliutsiiu [Studying the Great Russian Revolution]. // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2017. (3(54)):7–15. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071–8160–2017–3–54–7–15>.
23. Frolova, Iu. N. Mozaika baskskogo separatizma [The mosaic of Basque separatism]. // *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2023. № 2 (148). S. 285–298.
24. Agudín Menéndez J. L. Por una historia de la Prensa carlista: Balance historiográfico y perspectivas de futuro // *Aportes: Revista de historia contemporánea*. 2022. № 109. P. 245–281.
25. Agudín Menéndez J. L. El Siglo Futuro en la (re)construcción de la amalgama contrarrevolucionaria (1930–1933): de órgano de la disidencia necedalista a catalizador de la modernización defensiva carlista // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. 2023. № 26. P. 124–147. DOI: 10.14198/pasado.21548.
26. Agudín Menéndez J. L. «El Siglo Futuro». *Un diario carlista en tiempos republicanos (1931–1936)*. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2023. 546 p.
27. Albi de la Cuesta J. *El ejército carlista del norte (1833–1839)*. Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p.
28. Alli Aranguren J.C. Los inicios del franquismo en dos obras inéditas del conde de Rodezno // *Huarte de San Juan. Geografía e historia*. 2023. № 30. P. 217–249. DOI: <https://doi.org/10.48035/rhsj-gh.30.11>.
29. Canal J. El carlismo. *Dos siglos de contrarrevolución en España*. Madrid: Alianza Editorial, 2000. 512 p.
30. Canal J. De Barcelona a Buenos Aires (1889–1898): Francisco de Paula Oller, la propaganda carlista y la fundación de El Legitimista Español // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. 2023. № 26. P. 76–100. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.23676>.
31. Caspistegui F. J. En las trincheras de la prensa carlista: periodismo y militancia en el siglo XX // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. 2020. № 26. P. 101–123. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.22956>.
32. Chilton, P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London; New York: Routledge, 2004. 226 p.
33. Correa, N.R. Análisis histórico, jurídico y político del derecho de resistencia // *Revista de la Facultad de Derecho y Ciencias Políticas*. 1981. № 52. P. 146–153.
34. Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J.F. *Historia del Tradicionalismo Español*. 30 tomos. Sevilla: Editorial católica española, 1941–1979.

35. Hibbs–Lissorgues, S. «Sueños nocturnos» y retropiás en el tradicionalismo español // *Pasado y Memoria*. 2021, 23: p. 139–159. DOI: <https://doi.org/10.14198/PASADO2021.23.06>.
36. Lawrence, M. *Spain's First Carlist War, 1833–40*. Basingstoke: Palgrave, 2014. 283 p. doi: 10.1057/9781137401755_3.
37. Lawrence, M. *The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s*. London: Bloomsbury, 2017. 264 p.
38. Martinet, A. *Éléments de linguistique générale*. Paris: Armand Colin, 1980. 224 p.
39. Martín Etxebarria G. «Honrar a nuestros héroes muertos». Conmemoraciones públicas, monumentos y memoria de las guerras carlistas // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. 2023, 26: p. 221–255. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.21888>.
40. Rújula, P. 2023. ¿Opinión pública en el carlismo? La prensa de don Carlos durante la Primera Guerra // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. № 26. P. 7–31. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.23988>.
41. Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc., etc. Paris: Chez Dentu, 1835. 390 p.
42. Smirnova, I.V. Concepts People and Power in Russian and Spanish Electoral Discourse // *Philology at MGIMO*. 2021. № 7(3). P. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-115-120>.
43. Toledano, L.F. El tradicionalismo político antiliberal: els carlins catalans // *The Catalan Historical Review*. 2021, 14: P. 179–195.
44. Van Dijk, T.A. What is Political Discourse Analysis? // *Belgian Journal of Linguistics*. 1997. Vol.11. Issue 1. P. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.
45. Vanegas, I. Revolución: la palabra, el acontecimiento, el hito fundador (Nueva Granada, 1780–1839) // *Bulletin de l'Institut français d'études andines*. 2010. № 39 (1). P. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.4000/bifea.2104>.
46. Villoro, L. Sobre el concepto de revolución // *Revista del Centro de Estudios Constitucionales*. 1992. № 11. P. 277–290.
47. Zaratiegui, J. A. Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. don Carlos V por el general del mismo ejército, J. A. Zaratiegui. Paris: Imprenta de Lacour y Comp., 1845. 611 p.

Сведения об авторах:

Терещук Андрей Андреевич – доктор Университета Барселоны (Ph.D.), доцент, кафедра романской филологии, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт–Петербург). Сфера научных интересов: политическая лингвистика; язык испанского карлизма. E-mail: atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>; ResearcherID: R-5417-2019; Scopus Author ID: 57196032112.

Григорченкова Надежда Ильинична – бакалавр, кафедра романской филологии, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт–Петербург). E-mail: kleopatra18.09@mail.ru
 ORCID ID: 0009-0007-9509-4909

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Andrei A. Tereshchuk – Ph.D., is Associate Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen University (St. Petersburg). Research interests: political linguistics; language of Spanish Carlism.. E-mail: atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>; ResearcherID: R-5417-2019; Scopus Author ID: 57196032112

Nadezhda I. Grigorchenkova is Bachelor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen University (St. Petersburg). E-mail: kleopatra18.09@mail.ru
 ORCID ID: 0009-0007-9509-4909

The authors declare that there is no conflict of interest.

* * *